

истину он ищет не ту и не там. Эта мысль озвучивается князем Мышкиным в разговоре с Рогожиным: «...сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить».

Для самого князя Мышкина «религиозное чувство» — это не только вера, это вера через откровение. В отличие от других персонажей, князь Мышкин демонстрирует не веру, постигаемую разумом, или веру через разум плюс «сердце», или веру, отвергаемую и одновременно желанную, а потому несбыточную, как у Настасьи Филипповны. Его отношения с верой самые сложные, но и самые «настоящие». Он в отличие от прочих умеет обрести момент «молитвы и красоты», почувствовать, хоть на мгновение, гармонию с миром, примириться с ним, почувствовать себя частью общего « хора » природы (как та мушка, о которой говорит Ипполит во время своей исповеди: «вот даже эта крошечная мушка, которая жужжит теперь около меня в солнечном луче, и та даже во всем этом пире и хоре участница, место знает свое, любит его и счастлива»). Обретение веры происходит через откровение — секундный момент просветления и счастья, который наступает перед эпилептическим припадком.

В этом вся сила и одновременно слабость его веры. С одной стороны, она «наступает» необыкновенно ярко и «по-настоящему», у князя открываются глаза, ему становится все понятно. При этом его вера так же «физиологична», как и у старушки Рогожиной: она является «симптомом» эпилептического припадка, ее причиной является болезнь. Она, как и болезнь, заключается внутри самого человека, а не дается ему «свыше». За этим проблеском веры следует долгий период мрака, болезни и впадения в идиотизм с почти полной потерей разума.

В этой картине веры — весь Достоевский со всеми его собственными противоречиями и сомнениями. Достоевский, сталкивающий свои собственные утверждения, сомневающийся и оспаривающий сам себя. Если портрет матери Рогожина — это гимн вере и ее природной сущности, то портрет князя Мышкина в эпилептическом припадке — это отражение его собственных сомнений в этой самой «природности» веры. Здесь природная свойственность веры для человека сравнивается с болезнью. Проблеск веры, откровение накануне эпилептического припадка становится всего лишь обманом воображения, миражом, горькой усмешкой судьбы над... идиотом.

Кажется, как будто через этот образ Достоевский сам пытается «разуверить» себя. При этом его персонаж, сам князь Мышкин совершенно не теряет веры, хотя мысль о том, что момент «красоты и молитвы» — это мираж и обман, посещает и его. Но увидев раз в своем откровении «виденье, непостижное уму», князь Мышкин полностью уверовал в него и считает его истиной, правдой и «светом». Весь пафос его веры в том, что, как истинный Дон Кихот, как «рыцарь бедный», он продолжает верить, даже допуская возможность того, что его откровение — мираж и обман.

В его вере, однако, нет слепого фанатизма. Его вера держится и сильна не просто за счет фанатизма. Скорее, она существует благодаря воле и внутренней силе. При всей своей физической слабости князь Мышкин, в отличие от других персонажей, пытающихся выработать свою «формулу» веры, оказывается способным на духовный подвиг, на рыцарское служение вере, на презрение к сомнению, на движение к «свету» усилием воли и силой духа.

Еще одна группа персонажей Достоевского отражает другой способ взаимоотношений веры и разума. Наиболее яркие представители этой группы — Ипполит и